

ВСЕМ, кто интересуется историей театра, театральной критикой, известно имя Бориса Владимировича Алперса (1894-1974). Его театроведческие работы и рецензии на спектакли (небольшая их часть собрана в двухтомном издании «Театральных очерков»), сочинения по истории русского театра, например, «Театр Мочалова и Щепкина», получили заслуженную известность. Многие деятели театра отличали силу научных концепций Б. В. Алперса, их оригинальность. «Проницательный Алперс» — так назвал его один из режиссеров...

Борис Владимирович прожил большую и интересную жизнь, дружил со многими известными людьми. Его огромный личный архив сохранил тысячи интереснейших документов. Сам он не был мемуаристом по всему строю своей натуры, поэтому и не писал воспоминаний, оставив лишь небольшие, большей частью незаконченные, очерки о своей жизни. В опубликованных в разные годы материалах из архива Алперса, содержащихся много сведений о его жизни в Териоках и дружбе В. Э. Мейерхольдом.

Семья Алперсов в 10-е годы XX века, как и многие петербургские семьи, проводила лето на даче в Териоках. Глава семьи Владимир Михайлович Алперс (1863-1921) — известный в городе экономист и композитор. На даче жили трое его детей — дочь Вера, обучающаяся в консерватории, сыновья Борис и Сергей. В 1912 году в Териоки приезжает Мейерхольд со своей труппой — Товариществом актеров, музыкантов, писателей и живописцев. Режиссеру для его постановок нужны были музыканты, поэтому он пригласил Веру и Сергея работать в Териокском театре. Борис Алперс в это время сдавал переходные экза-

ны в восьмой класс гимназии. Приехав после экзаменов из города на дачу, молодой юноша — а Борису было тогда 18 лет, узнал к своему удивлению, что известный режиссер выражает настойчивое желание познакомиться с ним. Такое странное стремление к знакомству сам Борис Владимирович объяснял тем, что Мейерхольд в то время был в поисках новых театральных форм и поэтому с большим желанием общался с мо-

аллеям парка при даче Лекони. Несколько раз Мейерхольд с женой и дочками приходил на дачу к Алперсам. Он хотел привлечь Бориса в качестве актера в одной из своих пантомим. «Он заставил меня исполнять роль воина, который держал Антигону, в то время, как она произносила свой монолог... Но даже Мейерхольду не удалось сделать меня актером. Очень скоро я сбежал от него. Меня гораздо больше увлекала тен-

сонета, достойного тех чудесных имен, знайте, — не суждено мне стать поэтом, но любить Вас всех до конца моих дней заказано мне волнами Финского залива».

В 1913-1914 г.г. Б. Алперс работал в качестве секретаря студии Мейерхольда и секретаря издававшегося режиссером журнала «Любовь к трем апельсинам». В 1914 году он стал соавтором одного из спектаклей студии — для сочиненной Мейерхольдом вместе с

комнаты. Ах, как хорошо, что Бондиевские краски еще не стерты со стен нашего балагана 1912 г. Да и я мечтаю о Териоках...»

Но мечта о Териоках не смогла больше осуществиться. Пути режиссера и молодого критика на время разошлись, но переписка между ними не прекращалась. В архиве Алперса сохранились 14 писем Мейерхольда. После революции новая встреча произошла в Новороссийске при необычных обстоятельствах. В сентябре 1918 г. Мейерхольд был арестован белогвардейцами и заключен в тюрьму за «сознательное осуществление в своей деятельности основных задач советской власти». Б. В. Алперс, узнав об этом, энергично содействовал освобождению Мейерхольда и добился этого. Об этом эпизоде своей жизни Мейерхольд вспоминал в трудном теперь уже для Б. Алперса 1938 году. Тогда же он писал, что вся семья Алперсов отличается «бросающейся в глаза демократичностью», что в Новороссийске в 1918 году она проявляла «высшую меру симпатии», что сразу после освобождения города Б. В. Алперс и его отец «энергично взялись за работу» с органами Советской власти. Обстоятельства, при которых было написано это «рекомендательное» письмо, датированное 7 января 1938 года, пока точно не известны, но сам факт его написания говорит о том, что отношения между двумя театральными деятелями, начавшиеся в далеком 1912 году, не ослабли.

После войны Б. В. Алперс написал ряд интересных работ о творчестве Мейерхольда, в которых не забыл и спектакли Териокского театра.

К. ВИНОГРАДОВ,
учитель истории

ИСТОРИЯ РОДНОГО КРАЯ

Дружба, пронесенная сквозь годы

лодыми, ища в них своих единомышленников и помощников.

Первая встреча с Мейерхольдом запомнилась Б. Алперсу на всю жизнь. Вот как он ее описал «В первое свое посещение Мейерхольда я нашел его на площадке перед дачей (дача Лекони, в которой жили участники Товарищества — К. В.). Он сидел в плетеном кресле, с клетчатым пледом, наброшенным на колени: он не совсем поправился после инфлюэнцы. В жизни Мейерхольд оказался не таким, каким представлялся в моем воображении. В нем не было ничего от театральной знаменитости. Он вел себя очень просто, иногда даже с излишней, почти с мальчишеской простотой... Я был не один. Кроме моих братьев и сестры, которые привели меня к Мейерхольду, тут же находилась его жена Ольга Михайловна и кто-то из актеров, участников Териокского Товарищества.

Вслед за первой встречей последовали многие другие. Часто это были прогулки по пляжу или по

нисная площадка, чем сцена».

Но, несмотря на это бегство, знакомство с Мейерхольдом не прервалось, более того, оно переросло в теплую дружбу.

Летний сезон 1912 года в Териоках был одним из самых памятных и для Мейерхольда, и для Б. Алперса. В декабре 1912 г. режиссер сделал запись в «Золотой книге» Алперсов (в этой книге оставили автографы многие известные люди): «В золотую книгу надо вписывать золотые слова, но я не поэт — где добыть мне золотые слова?! В сердце моем три имени: Вера, Борис, Сергей. Вот для меня золотые имена.

Буду ходить по берегам морей, по пескам дюн, буду бродить по сосновым лесам и, вспоминая дни наших встреч в Териоках, буду искать ритма, созвучного с ритмом Сережиной игры, буду искать рифм, схожих с рифмами Борисовых стихов, буду свивать строки нежные, как жесты и движения Вашей изящной сестры...

Пройдут года. Если не запишу

В. Соловьевым и Ю. Бонди пьесы «Огонь» Алперсом были написаны стихи.

Лето 1914 года Алперс снова провел в Териоках, отсюда он пишет письмо Мейерхольду, проникнутое ностальгией по Териокам 1912 г.: «У меня гостил несколько дней Гринич. Гуляли с ним по Териокам, лежали на пляже и все время вспоминали Вас. Смотрели лепонскую дачу, звонили в колокол и стучали в окна Вашей комнаты. Были в театре: на сцене до сих пор осталось серое сукно, а в боковой комнате вся стена замарана синей и желтой краской — следы бондиевской (Ю. Бонди — художник — К. В.) работы над Стринбергом, — мечтали снять на будущее лето театр для работы Студии, приехать избранной кампанией в Териоки и заниматься. Вот было бы хорошо».

«Счастливы были узнать, что Вы и А. Л. Гринич вспоминали меня, — пишет в ответном письме В. Мейерхольд. — Спасибо, что постучали в окна моей милой териокской